Охрана интеллектуальной собственности в различных правовых семьях: сравнительно-правовое исследование

Тихоновский Владимир Юрьевич
аспирант, Академия труда и социальных отношений, vova.ivanov145@yandex.ru

В данной научной статье проводится сравнительный анализ механизмов защиты интеллектуальной собственности в различных правовых семьях, включая англосаксонскую (Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии), романо-германскую (на примере Федеративной Республики Германия и Российской Федерации) и исламскую правовые системы. Рассматриваются соглашения, принятые на международном уровне. Автором исследуются правовые подходы к охране авторских и связанных с ними прав, а также выявляются ключевые различия в правоприменительной практике, судебных процедурах и системе правовых прецедентов в разных государствах. Особое внимание в статье уделяется особенностям правоприменения в сфере авторского права в различных странах.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правовая семья, англосаксонская правовая семья, романо-германская правовая семья, религиозная правовая семья, авторское право.

Введение

Творческий результат приобретает статус охраняемого экономического актива. Такой перевод обеспечивает правовое регулирование нематериальных благ, а строгость выстроенных им охранительных конструкций предопределяет и темп роста национальных рынков, и формат, в котором государства выстраивают взаимодействие друг с другом. Юридически закрепленное исключительное право действует как структурный стимул к непрерывной генерации инноваций.

Общий контур защиты формирует международно-правовое пространство. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 г., очерчивает базовый круг охраняемых результатов, куда входят изобретения, промышленные образцы и товарные знаки, а вместе с ними произведения литературы, науки и искусства [1, 2]. Универсальный стандарт упирается в национальную имплементацию: каждая правовая семья пропускает его через собственную культуру, религиозные нормы и исторически сложившийся опыт развития, что и дробит правоприменительную практику. Различие социальных традиций порождает внутри суверенных юрисдикций несовпадающие модели охраны авторских и патентных прав.

Перечень объектов интеллектуальной собственности вбирает широкий круг того, что создает человеческий труд, и институциональный дизайн разводит по самостоятельным правовым категориям производственные секреты, топологии интегральных микросхем, селекционные достижения. Практика реального сектора расставляет юридические инструменты по востребованности иначе. Рыночный оборот держится прежде всего на патентных режимах, на защите авторства и на охране средств индивидуализации услуг, товаров и предприятий [3].

Обсуждение

Основание, на котором держится межгосударственный оборот нематериальных активов, сложили несколько старых многосторонних договоров, поделивших предмет между собой: промышленная собственность досталась Парижской конвенции от 20 марта 1883 г., а литературные и художественные произведения ушли под Бернскую конвенцию от 9 сентября 1886 г. [4]. Круг охраняемого со временем вырос, и понадобилась отдельная институциональная надстройка: за вещательными организациями, изготовителями фонограмм и исполнителями права признала Римская конвенция от 26 октября 1961 г. [5]. Предел, до которого доходит наднациональная унификация, показывает принятый в Вашингтоне 26 мая 1989 г. Договор об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем. Российская Федерация присоединяться к нему не стала, хотя из прежних соглашений не вышла, и по такому выбору видно, насколько разборчива национальная юрисдикция в обращении с глобальными правовыми механизмами.

Набор защитных инструментов у государства меняется вместе с тем, к какой макросистеме оно принадлежит. Правотворческий центр тяжести англосаксонская традиция переносит на судебное толкование, из-за чего пределы охраны неосязаемых благ очерчивают прямо прецеденты, вынесенные в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, равно как и в Соединенных Штатах Америки. Несмотря на общий корень англо-американского права, обе юрисдикции внутри себя расходятся: хозяйственный курс и склад государственного аппарата уводят их к самостоятельным национальным моделям распоряжения творческим ресурсом.

У американского устройства опорой служит жесткий федеральный каркас, и институциональное основание охраны дают Закон об авторском праве США [6] вместе с Законом о соблюдении секретности изобретений, который был принят в 1952 году (Invention Secrecy Act, Pub. L. 82-256, кодифицирован в разделе 35 Свода законов США, глава 17, §§ 181-188) [7]. Исключительное право на произведение появляется само собой, едва объект создан. Формальная регистрация играет роль процессуального фильтра: в федеральный суд правообладателя пропускает и взыскание статутных компенсаций ему открывает только документально закрепленный статус.

Американская доктрина ушла от британского честного использования (fair dealing) дальше всего в том, насколько широко раздвинула пределы добросовестного заимствования: отказавшись от жестких ограничительных рамок, она перевела обращение с охраняемым произведением в вариативный режим правоприменения.

Широту исключений американский суд компенсирует масштабом финансовых санкций. Штрафные выплаты обращают судебную защиту в средство прямого экономического подавления нарушителя.

Посягательство на нематериальный актив специальные нормы выводят в плоскость уголовного преследования. Надзор за нелегальным оборотом усиливает двухуровневое устройство правотворчества, при котором штаты собирают собственный антипиратский инструментарий, не оглядываясь на базовую федеральную конструкцию.

Вернуть издержки разбирательства процессуальные правила тяжущемуся не обещают, и риск затрат ложится на сторону независимо от исхода дела. Юрисдикцию истец подбирает по тому, где негативные последствия нарушения сгустились плотнее всего, и перенесенное в нужный суд слушание вынуждает присяжных смотреть на материальные доказательства сквозь призму уже наступившего территориального ущерба. Труднее же всего инициатору спора дается подсчет точной суммы требований, и барьер тут процессуальный, а не содержательный. Стоит ответчику подтвердить легальность источника полученной прибыли, встречные притязания отпадают, а взыскание теряет основание.

Единообразия судебных актов американское прецедентное право по своей природе не допускает: похожие с виду фабулы приводят к разным вердиктам, потому что решает частная конфигурация каждого спора [8]. С техническими новшествами акцент уходит в административную жесткость, и патентная экспертиза сама вырастает в отдельный барьер. Состязательность сторон бесконечная вереница разбирательств переплавляет в массив новых процессуальных стандартов [9].

Внутри той же англосаксонской рамки британский правопорядок держится умереннее, и нормативную опору ему дает Copyright, Designs and Patents Act 1988 (Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г.), а прецедент подстраивает конструкцию лишь точечно [10]. Монополию на произведение признают без формальностей, зато пределы легального заимствования сужены, и закрытый список допустимых изъятий пресекает попытки распорядиться охраняемым благом произвольно. Компенсационные инструменты крупного масштаба британскому праву не нужны: кодификация плотна сама по себе. Отказавшись от жестких финансовых санкций, британская модель приобретает институциональную предсказуемость.

Порог входа в процесс для небольшой компании британское правосудие занижает намеренно. Намерение читается в самом институциональном устройстве, а не в отдельных послаблениях: разбор профильных конфликтов перестроило включение Intellectual Property Enterprise Court в состав Высокого суда Англии и Уэльса, и профильный спор получил собственную площадку внутри общей судебной иерархии [11]. Политический выход страны из наднационального объединения равновесия между обществом и создателями нематериальных активов не сломал, поскольку общее право и европейские нормативы правопорядок по-прежнему сводит воедино.

Романо-германская правовая семья строит нормативную базу жестко именно потому, что от господства прецедента отказалась: порядок осуществления интеллектуальной монополии Федеративная Республика Германия и Российская Федерация прописывают разветвленной кодификацией. Немецкий правопорядок передает предписания Urheberrechtsgesetz и коренные положения Bürgerliches Gesetzbuch, российский опирается на Гражданский кодекс Российской Федерации (часть IV) [12].

Полновесную правовую охрану включает тот же момент, каким создан творческий продукт. Личные неимущественные правомочия континентальная модель закрепляет за автором неотчуждаемо. Право называться автором, защита имени и неприкосновенность произведения задают направление, в котором обе страны непрерывно перестраивают свои государственные институты [13].

Устройство судебной власти меняется по мере того, как углубляется институциональная специализация: обособленная инстанция под профильный конфликт задает новый формат разрешения спора. Обширный пласт своеобразной правоприменительной практики нарастил запуск судов по интеллектуальным правам [14].

Промышленную собственность узаконивает лишь обязательное закрепление объекта уполномоченным федеральным ведомством, каким в России служит Роспатент. Пустые притязания отсекает проверка заявки по существу, а тот, кто прошел административный фильтр, получает абсолютную монополию. Присвоить техническое решение третьему лицу не дает лицензионный порядок. Средства процессуального давления собраны разнородные: физическое уничтожение контрафактной продукции, принудительное взыскание убытков, запретительные иски [15].

Логику прецедента в романо-германских юрисдикциях вытеснило буквальное чтение кодекса, и следование тексту закона держит правоприменение устойчивым, а отказ судьи от нормотворчества делает исход дела предсказуемым. Расхождения между национальными режимами устраняют наднациональные соглашения. Вступление государств в Парижскую и Бернскую конвенции выравнивает те базовые правила охраны нематериальных активов, с которых начинается любая национальная система.

Совсем иную шкалу оценки охраняемого блага выстраивает религиозный догмат, и мусульманская правовая традиция черпает ее из текстов Корана и Сунны, из единогласного мнения правоведов и из суждения по аналогии. Своеобразие источников обернулось глубоким теоретическим расколом: часть ученых авторскую монополию как понятие отвергает целиком. Собственность шариат в жестких своих рамках замыкает на одних лишь предметах материального мира, а раз классические тексты не знают примеров владения неосязаемым результатом труда, то и признать интеллектуальные права оказывается не на чем.

Искусственные препятствия перед обществом снимает беспрепятственное обращение научного достижения, тогда как имущественное ограничение перекрывает естественный ход познания, и потому ничем не стесненный доступ к знанию мусульманская догматика возводит в ранг основополагающего императива. Грядущую эсхатологическую катастрофу пророческие тексты прямо связывают с угасанием просвещения, повальным употреблением вина и всеохватным распространением прелюбодеяния [16].

Потраченные на работу личное время и капитал делают неосязаемый ее итог полноценным активом, и они же дают творцу распоряжаться им единолично ради прибыли: затрата ресурса и служит основанием права. Другой богословский подход выносит собственность за жесткий контур вещного мира, отказываясь считать вещность обязательным ее признаком. Законную монополию порождает опережение: тот, кто раньше занял свободное место внутри мечети, наглядно подтверждает правомерность пространственного первенства.

Обоснованность интеллектуального права доказывают религиозной формулой присвоения, и приватизацию невещественного блага оправдывает хадис о первенстве, однако прямая опора на текст довод сторонников охраны не спасает: достоверность приводимого изречения признана низкой. Ортодоксальный критик слабый источник отбрасывает. Владение идеей как юридический факт он отрицает наотрез [17].

Заключение

Специфику англосаксонской юрисдикции определяет не детальность нормы, а масштаб денежного давления на нарушителя: судебный прецедент обращает регистрацию неосязаемого объекта в ту отправную точку, с которой начинается отсчет жестких штрафных санкций. Непредсказуемость прецедентного нормотворчества романо-германская макросистема отвергла. Прямое действие кодифицированных актов подразумевает и детально выстроенную архитектуру закрепления монополии, и устойчивую работу механизмов судебной защиты.

За границу, очерченную религиозным фильтром шариата, легитимность нормативного акта в исламской правовой традиции не выходит. Законную силу светское предписание об охране творческого результата получает лишь при прямом подтверждении текстами Корана и Сунны, а пройденная теологическая проверка сообщает государственному установлению непререкаемость. Доктринальные противоречия уходят в пространство академического спора. Альтернативная трактовка сохраняет за собой роль факультативной опоры, к которой судья при вынесении решения обращается по собственному усмотрению.

Историческая изолированность правовых семей не выдерживает универсальной природы интеллектуального актива: коммерциализация, идущая поверх границ, вынуждает суверенные институты охраны приспосабливаться друг к другу, а внедрение международных стандартов запускает нормативное сближение. Врастая в ткань национальной традиции, глобальные алгоритмы обращают прежние обособленные

правила игры в элементы гармонизированного пространства, общего для государств [18].

Литература

1. Диванов С. Особенности интеллектуального права // Символ науки: международный научный журнал. 2024. № 3-1. С. 78– 80.
2. Конвенция, учреждающая всемирную организацию интеллектуальной собственности (Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г. и изменена 2 октября 1979 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059/ (дата обращения: 17.04.2026).
3. Кузьмичева Р. А., Малай А. Сравнительный анализ защиты прав интеллектуальной собственности в России и США // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 5-1 (33). С. 543–548.
4. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (дата обращения: 17.04.2026).
5. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/58804834 (дата обращения: 17.04.2026).
6. Copyright Law of the United States (Title 17) // US Copyright Office. URL: https://www.copyright.gov/title17/ (дата обращения: 17.04.2026).
7. Lanham Act // Bitlaw. URL: https://www.bitlaw.com/source/15usc/index.html (дата обращения: 17.04.2026).
8. Галкин А. Г., Костенко О. С. Сравнительно-правовой аспект способов защиты интеллектуальной собственности в российском и международном праве // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 191–195.
9. Шварц Л. В., Бурова С. М. Актуальные проблемы международно-правовой охраны авторских прав // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 1 (19). С. 60–67.
10. Copyright, Designs and Patents Act 1988 (c. 48). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents
11. Карпухина А. Д. Историко-правовой анализ защиты авторских прав в Великобритании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3(103). С. 30–37.
12. Bürgerliches Gesetzbuch. C. H.Beck Verlag , München, 1997. 785 S.
13. Карслиев И. А., Галкин А. Г. Суды по интеллектуальным правам в механизме современного российского государства // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2017 год, Краснодар, 25 апреля 2018 г. / Ответственный за выпуск А. Г. Кощаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, 2018. С. 1079–1082.
14. Кирилова К. В. Федеральный патентный суд Германии как институт защиты патентных прав // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1024–1038.
15. Рыбка О. С., Чекулаев, С. С. Альтернативные способы разрешения конфликтов в исламском праве и возможность их применения на территории РФ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 1–20.
16. Таки Усмани М. Об авторском праве и интеллектуальной собственности // Islam.kz. URL: https://islam.kz/ru/articles/ekonomika/ob-avtorskom-prave-i-intellektualnoisobstvennosti-675/#gsc.tab=0 (дата обращения: 17.04.2026).
17. Дашин, А. В. Вопросы судебной практики в ходе реализации интеллектуальных прав / А. В. Дашин, О. А. Карпенко // Актуальные проблемы гражданского, семейного, предпринимательского, международного частного права : Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 29 мая 2022 года / Отв. за выпуск А.С. Усенко. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Эпомен", 2022. – С. 17-25. – EDN BYTYAA.
18. Волкова, М. А. Содержание интеллектуальных прав, отнесенных к категории «иных» / М. А. Волкова, О. В. Гриднева // Актуальные проблемы российского законодательства. – 2016. – № 15. – С. 11–16.

Intellectual Property Protection Across Legal Families: A Comparative Legal Study

Tikhonovsky V.Yu.
Academy of Labour and Social Relations

This research article provides a comparative analysis of intellectual property protection mechanisms in various legal systems, including the Anglo-Saxon (United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland), Romano-Germanic (using the Federal Republic of Germany and the Russian Federation as examples), and Islamic legal systems. International agreements are considered. The author examines legal approaches to the protection of copyright and related rights, identifying key differences in law enforcement practices, judicial procedures, and the system of legal precedents across different countries. Particular attention is paid to the specifics of copyright enforcement in various countries.

Keywords: intellectual property, legal family, anglo-saxon legal family, romano-germanic legal family, religious legal family, copyright.

References

1. Divanov S. Features of Intellectual Property Law // Symbol of Science: International Scientific Journal. 2024. No. 3-1. Pp. 78–80.
2. Convention Establishing the World Intellectual Property Organization (Signed at Stockholm on July 14, 1967 and amended on October 2, 1979) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059/ (date of access: 17.04.2026).
3. Kuzmicheva R. A., Malay A. Comparative analysis of the protection of intellectual property rights in Russia and the United States // Skif. Issues of Student Science. 2019. No. 5-1 (33). Pp. 543–548.
4. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 (as amended on 28.09.1979) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (date of access: 17.04.2026).
5. International Convention for the Protection of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations (Rome, 26 October 1961) // Electronic Fund of Legal and NormativeTechnical Documents. URL: https://docs.cntd.ru/document/58804834 (date of access: 17.04.2026).
6. Copyright Law of the United States (Title 17) // US Copyright Office. URL: https://www.copyright.gov/title17/ (date of access: 17.04.2026).
7. Lanham Act // Bitlaw. URL: https://www.bitlaw.com/source/15usc/index.html (date of access: 17.04.2026).
8. Galkin A. G., Kostenko O. S. Comparative legal aspect of methods of protecting intellectual property in Russian and international law // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2018. Vol. 4 (70). No. 2. Pp. 191–195.
9. Schwartz L. V., Burova S. M. Actual problems of international legal protection of copyright // Theoretical and applied jurisprudence. 2024. No. 1 (19). Pp. 60–67. 10. Copyright, Designs and Patents Act 1988 (c. 48). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents
11. Karpukhina A. D. Historical and legal analysis of copyright protection in the UK // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (103). Pp. 30– 37.
12. Law Firms' Handbook. C.H.Beck Verlag, Munich, 1997. 785 p.
13. Karsliyev I. A., Galkin A. G. Intellectual Property Courts in the Mechanism of the Modern Russian State // In the collection: Scientific Support for the Agro-Industrial Complex: Collection of Articles Based on the Materials of the 73rd Scientific and Practical Conference of Students on the Results of R&D for 2017, Krasnodar, April 25, 2018 / Responsible for the Issue A. G. Koshchaev. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, 2018. Pp. 1079–1082.
14. Kirilova K. V. The Federal Patent Court of Germany as an Institution for Patent Rights Protection // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 1024–1038.
15. Rybka O. S., Chekulayev S. S. Alternative Methods of Conflict Resolution in Islamic Law and the Possibility of Their Application in the Territory of the Russian Federation // Legal Studies. 2023. No. 8. Pp. 1–20.
16. Taki Usmani M. On Copyright and Intellectual Property // Islam.kz. URL: https://islam.kz/ru/articles/ekonomika/ob-avtorskom-prave-i-intellektualnoi-sobstvennosti675/#gsc.tab=0 (date of access: 17.04.2026).
17. Dashin, A.V. Issues of judicial practice in the implementation of intellectual property rights / A.V. Dashin, O. A. Karpenko // Actual problems of civil, family, business, and private international law : A collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and practical conference, Krasnodar, May 29, 2022 / Ed. for issue by A.S. Usenko. Krasnodar: Epomen Limited Liability Company, 2022. pp. 17-25. EDN BYTYAA.
18. Volkova M.A., Gridneva O.V. Content of Intellectual Rights Attributed to the Category of "Other" // Actual Problems of Russian Legislation. 2016. No. 15. P. 11-16.